

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд. Т. 1–4. М., 1955.

2. *Шутова Е.И.* Синтаксис современного китайского языка. М., 1991.

Ю.А. Сорокин

Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Под ред. Земской Е.А. и Шмелева Д.Н. М.: Наука, 1993. 224 с.

Монографические исследования Института русского языка РАН, в основу которых положено изучение живой русской речи [1–5], оказали сильное влияние на развитие русистики. Эти труды способствовали изменению предмета лингвистического анализа (от книжно-письменных форм к устным разговорным), в значительной мере обусловили смену научной парадигмы в русистике [6], дали толчок к изучению разговорной речи регионов [7–11]. Рецензируемая коллективная монография – новый крупный шаг в исследовании разговорной речи.

Целенаправленный функционально-прагматический анализ речевого быта, который связан со смелым выходом за рамки "чистой" лингвистики, включение в предмет наблюдения речевого партнерства, отказ от уровневого подхода при анализе материала, учет внешних и внутренних факторов влияния на речевой акт в конкретной ситуации (в том числе фактора ментальности) – вот те достоинства коллективного труда, которые, как нам кажется, открывают новые перспективы развития современного речеведения.

Книга начинается с главы Т.Г. Винокур "Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего". Автором представлена типология речи с позиций целеполагания участников речевого общения. Отталкиваясь от основных языковых функций, Т.Г. Винокур переводит проблему в речедействительностный план и дополняет понятие коммуникативных ролей говорящего и слушающего, так что дихотомия *и н ф о р м а т и в н а я – ф а т и ч е с к а я* речь получает социолингвистическое обоснование, а основным термином описания этих видов речи становится *р е ч е в о е* поведение.

Понятие фатического речевого поведения в трактовке Т.Г. Винокур значительно расширяет и корректирует сложив-

шееся представление о фатической (контактоустанавливающей) функции языка [12]. Фатическое речевое поведение определяется через его ситуативно-целевую задачу и обсуждается как самостоятельное речевое явление, могущее доминировать в речи. Трудно переоценить значимость этого впервые высказанного целостного представления о фатической речи как речи, осуществляемой в целях собственно общения. Автор выстраивает инвариантную оппозицию *и н ф о р м а т и в н о е – ф а т и ч е с к о е*, определяет сосуществование этих видов речевого поведения как коммуникативную норму социума в подавляющем большинстве речевых жанров, обозначает сферы наибольшей значимости фатического речевого поведения, прежде всего, это сфера употребления речевого этикета и бытовая речь. Заключение о психо-стилистической природе фатического речевого поведения приводит к чрезвычайно важному выводу о принципиальной двойственности социальной природы использования языка: фатическое намерение может привести к тому, что истинность или ложность высказывания *теряет значимость для говорящих*. На основе данного вывода вся теория коммуникативных качеств речи должна быть рассмотрена заново.

В принципе полностью поддерживая изложенную концепцию, отметим наличие дискуссионных положений. Одно из них связано с истолкованием фатической речи как речи, сосредоточенной на себе самой ("в качестве коммуникативно-семиотической ценности фатической речи выступает сама речь"). На наш взгляд, здесь фиксируется лишь частная позиция. Общая же заключается в том, что речь используется не для передачи предметно-логической информации, а для передачи информации о совместности речевого действия и его соответствии правилам общения в данном социуме.

В связи с этим возникает вопрос о речевом и психологическом субстрате фатики:

не составляет ли его, в конечном счете, эмоциональная сфера психики? (Ср. с выводами исследователей английской литературно-разговорной речи о значимости эмоционального содержания в непринужденном речевом общении) [13]. Отдельные замечания, высказанные в главе, и аналитическая проба дифференциации информативных и фатических признаков разговорного диалога показывают взаимозависимость фатики и эмотивности. Одной из перспектив исследования фатической речи может явиться выяснение характера этой взаимозависимости.

И это только одна из перспектив. Предложенная концепция открывает новые возможности для интерпретации содержательного структурирования разговорной речи, для обсуждения вопроса о текстовом статусе разговорных диалогов (может быть поставлен вопрос о тексте с фатической доминантой) и др. Вне сомнения, идеи Т.Г. Винокура вызовут живейшее внимание специалистов и получат развитие в современной коллоквиалистике, культуре речи, риторике.

Глава О.Н. Ермаковой и Е.А. Земской "К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога)" обращена к живому речевому быту, современное состояние которого далеко от совершенства. Исследуя естественные диалоги, авторы выявляют типы коммуникативных неудач в зависимости от причин порождения последних. Причины эти неоднородны: в их числе собственно языковые, прагматические, личностные. Не абсолютизируя отдельную причину коммуникативной неудачи, авторы демонстрируют соединение различных факторов, обуславливающих неудачи, обнаруживая пути их сглаживания или обострения в различных ситуациях общения.

Вовлекаемый в анализ живой диалог обнаруживает ограниченность собственно лингвистического подхода, которую авторы успешно преодолевают. Отталкиваясь от наличия или отсутствия в процессе диалогического взаимодействия обратной связи, взаимопонимания, выделяя разновидности коммуникативных неудач, они формулируют ряд положений, имеющих несомненную теоретическую значимость для речеведения (в самом широком смысле этого термина). Обратим внимание на некоторые очевидные перспективы.

Представленный в работе очерк коммуникативных неудач, порождаемых внутренним устройством языка, подтверждает теорию коммуникативной природы качеств

хорошей речи [14]. Особенно ценными нам представляются наблюдения, связанные с неоднозначностью словоформ и конструкций, вызванной характером грамматической системы русского языка. Дальнейшая разработка коммуникативных качеств речи, основанная на дихотомии язык – речь, в аспекте коммуникативных неудач поможет установить основы обратной связи в границах диалогического общения и, следовательно, вывести такую научную дисциплину, как культура речи, на качественно новый уровень исследования.

Выводы о коммуникативных неудачах, порождаемых различиями в коде говорящего и слушающего, неадекватной передачей чужой речи, позволяют включить в понятие элитарной речевой культуры [15] умение говорящего переходить на субязык партнера.

Исследованные коммуникативные неудачи, порождаемые прагматическими факторами, обнаруживают несовершенство словарей, которые часто оставляют за пределами словарных данных прагматическую "долю" лексической семантики. Открывается путь к выявлению прагматических компонентов лексического значения, реализация которых может послужить причиной коммуникативного напряжения, привести к конфликту.

Постановка вопроса о неудачах, порождаемых нарушением стереотипных связей между категориями смыслов, кажется нам особо актуальной в связи со сменой стереотипов речевого поведения, мышления, мировосприятия в постперестроечное время.

Предложенная типология коммуникативных неудач в целом помогает понять, что между личностными (паспортными) параметрами коммуникантов и коммуникативной удачей либо неудачей нет прямой зависимости. Это говорит об ограниченных возможностях ролевой теории общения. Данная типология может быть использована при выработке практических предписаний нормативного неконфликтного речевого поведения.

Вступление в сферу речевой деятельности закономерно связано с осмыслением многофакторной зависимости речи от компонентов коммуникативного акта, коммуникативных условий и способов представления речи. Прослеживание этих зависимостей составляет сквозную задачу рецензируемой книги. В главе "Чужая речь в коммуникативном аспекте (на материале устных текстов)", написанной М.В. Китайгородской, названная проблема структурируется на базе перечня коммуникативных факторов (экстралингвистических и речедеятель-

ностных). Чужая речь в устном тексте описывается в ряде стилистических очерков, каждый из которых посвящен определенному коммуникативному параметру, например, форма речи, тип коммуникации, тема и жанр, говорящий и др. В совокупности создается емкое представление о феномене чужой речи, в центре которого – мысль о том, что репродуцируемая в устном говорении чужая речь – это моделируемая говорящим речь с опорой на первичное сообщение в прошлом.

Очень интересен раздел главы, посвященной функциям чужой речи. Жаль, что он, по замыслу работы, не мог быть выделен в отдельный фрагмент и несколько затерялся в тексте главы. Нужно надеяться, что данная проблема будет развернута в самостоятельное исследование. Вообще, использованный М.В. Китайгородской таксономический подход побуждает к установлению взаимосвязи и группировки обозначенных параметров, дополнению их ряда, установлению специфики речевого воплощения каждого из них. В работе обоснована лингвистическая значимость коммуникативных параметров, что стимулирует дальнейшие исследования в области данной проблемы.

Одним из коммуникативных параметров в названной главе выступает параметр жанра, рассмотренный автором несколько конспективно. Понятие жанра, одно из труднейших для лингвистического истолкования, используется здесь последовательно в том плане, что жанр приравнивается к речевому произведению, а не к высказыванию типа отдельного предложения, пары реплик диалога и т.п., и не вполне последовательно относительно закрепляемых за жанром речевых произведений, ср. ряды: полемические, дидактические и нарративные тексты; монолог, диалог, рассказ. Отметив необходимость специального исследования лингвистической стороны жанра, обратимся к опыту специального анализа жанра, представленного Е.И. Голановой в главе "Устная публичная речь. Жанр публичной лекции".

Глава включает в себя два самостоятельных раздела. Название вводно-теоретического раздела – "Языковой статус публичной лекции" беднее его содержания. По сути, здесь определены доминантные типологические признаки публичной лекции в коммуникативно-деятельностном (в том числе, коммуникативно-прагматическом и риторическом) аспекте на фоне других видов публичной речи. Такой подход соответствует магистральной идее рецензи-

руемого издания и подкрепляет его теоретическую целостность. Аналитическая же часть главы, выполненная на материале текстов публичных лекций (отметим попутно ценность подлинного лекционного материала – автором использованы фонограммы лекций, хранящиеся в фонотеках различных государственных учреждений) носит достаточно традиционный характер и представляет собой добротную характеристику экспрессивных и оценочных средств, типичных для публичных лекций. Данная информация обладает новизной в силу своей четкой жанровой отнесенности. В определении же коммуникативно-прагматической системности, системности текстового, речедетельностного характера можно видеть перспективу дальнейшего изучения лекции как жанра.

Глава "особенности мужской и женской речи", авторами которой являются Е.А. Земская, М.А. Китайгородская и Н.Н. Розанова, представляет опыт целостного исследования речевого поведения в зависимости от фактора пола. Впервые в отечественной лингвистике объектом изучения выступает речевое взаимодействие мужчин и женщин, а не отдельный языковой факт или уровень. В работе ясно показано, что основа различий мужской и женской речи связана не с системой, а с употреблением языковых единиц.

Обобщение выводов о мужской и женской речи в исследованиях западных ученых позволяет авторам уточнить зоны поиска различий, проектировать факты русского речевого быта не только на экран русского, но и на экран других европейских языков, критически оценить феминистическую линию изучения мужского/женского языка.

Отметим полное отсутствие односторонности: размышляя о мужском/женском в диалогическом взаимодействии, авторы учитывают влияние множества факторов, накладывающихся на фактор пола. Повидимому эти факторы не всегда можно разделить. Например, сходство ролевых позиций сближает речевое поведение мужчины и женщины, хотя фактор пола, возможно, остается определяющим.

Большой интерес представляют конкретные наблюдения и обобщения, связанные с фонетическим оформлением мужской и женской речи, ее грамматический, словообразовательной, лексической спецификой. Некоторые из них (например, наблюдения о специфике вокализма и консонантизма) подлежат экспериментальной проверке, в том числе на материале живой речи разных городов России – в монографии уже сделана

попытка дифференциации фактов мужской/женской речи москвичей, петербуржцев, саратовцев. Главное же в том, что установлены тенденции мужского и женского речевого поведения, языкового творчества, стратегии ведения разговора. В работе определены направления дальнейшего изучения мужской/женской речи, разработаны методы (в том числе экспериментальные) анализа, отмечены зоны перспективного поиска различий мужской и женской речи, разрушены некоторые лингвистические стереотипы, сопровождающие общий взгляд на язык и речь в их отношении к фактору пола.

Глава М.Я. Гловинской "Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов" по материалу отличается от других глав книги: в ней отсутствует живой разговорный материал. Речевые иллюстрации извлечены из художественных текстов или представляют собой типовые сконструированные высказывания. Однако подход к классу глаголов речи, основанных на использовании уточненного понятия речевого акта, обнаруживает возможности семантического анализа для выявления специфики функционирования языка. Самостоятельную ценность для структурной лексикологии и практической лексикографии имеет предложенная модель унифицированного толкования глаголов речи, которая включает набор пресуппозиций, асертивную часть, цель и/или мотивировку речевого акта, фиксацию возможной эмоциональной оценки речевого акта со стороны говорящего.

Если оценивать достижения данного исследования русских глаголов речи в аспекте общей функциональной концепции языка, разрабатываемой в коллективной монографии, следует обратить внимание на классификацию речевых актов, каждый из которых объединен общей идеей: сообщения, доносы, уверения и подтверждения, признания, предсказания и др. Уже простой перечень выявленных разновидностей речевых актов обнаруживает их многообразие. Опираясь на данную классификацию (даже с учетом ее неполной однородности – ср.: угроза и вопрос, сообщение и донос), можно подойти к решению дискуссионных проблем – первичных разговорных жанров, взаимопонимания коммуникантов и др.

Оригинальной представляется нам попытка конструирования наивной картины

мира на материале семантики исследуемых глаголов. Реконструкция одного из фрагментов ментального мира (наивной религии) обнаруживает эвристическую ценность использованной методики.

Сформулированные в монографии нетривиальные положения и выводы, введенный в научный оборот речевой материал, обновленный метаязык позволят, как мы надеемся, в будущем укрупнить единицу анализа и выйти в область текстовых форм разных стилей и жанров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русская разговорная речь / Отв. ред. Земская Е.А. М., 1973.
2. Земская Е.А., Китайгородская Н.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
3. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. лексика. Жест / Отв. ред. Земская Е.А. М., 1983.
4. Городское просторечие / Отв. ред. Земская Е.А., Шмелев Д.Н. М., 1984.
5. Разновидности городской устной речи / Отв. ред. Шмелев Д.Н., Земская Е.А. М., 1988.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 11–27.
7. Живое слово в русской речи Прикамья. Вып. I, 1978.
8. Разговорная речь в системе функциональных стилей русского литературного языка / Отв. ред. Сиротинина О.Б. Ч. I: Лексика. Саратов, 1983.
9. Разговорная речь в системе функциональных стилей русского литературного языка / Отв. ред. Сиротинина О.Б. Ч. 2: Грамматика. Саратов, 1992.
10. Живая речь уральского города / Отв. ред. Купина Н.А. Свердловск, 1988.
11. Языковой облик уральского города / Отв. ред. Купина Н.А. Свердловск, 1990.
12. Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. С. 386.
13. Орлов Г.А. Новейшие исследования английской литературно-разговорной речи. Обзор по материалам англоязычной лингвистической литературы. ВЯ, 1993. № 5.
14. Одинова В.В. Качества речи и структура текста // ФН, 1979, № 4. С. 81–84.
15. Толстой Н.И. Язык и культура // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Ч. I. М., 1991. С. 7.

Н.А. Купина, Т.В. Матвеева